

СОДЕРЖАНИЕ

О семье и Церкви	9
О седьмой заповеди	83
О платонической любви и русском богоискательстве	166
О «панэротизме» Розанова и теозисе пола	249
Заключение	335
Библиография	338
Об авторе	348

О СЕМЬЕ И ЦЕРКВИ

Отношение к семье и браку разделяет христиан ничуть не меньше, чем вопрос о папской власти, почитании святых или значимости апостольского правопреемства. Особенность этого разделения в том, что оно не устраняется церковным расколом. Евангельское откровение о браке, подобно тому мечу, о котором писал апостол, проникает «до разделения души и духа, составов и мозгов» (Евр 4:12) в тело Церкви и вырезает в нем более глубокий след, чем догмат и каноническое право. Может быть, причина этого в

том, что разномыслие в данном случае заведомо слишком велико, чтобы искать объединительных формул, а может быть, Церковь до сих пор не пыталась их искать. Парадоксальным образом при всей своей богословской значимости этот вопрос, самый близкий и необходимый для каждого без исключения человека, оказался одним из наименее исследованных в двухтысячелетней истории христианства, по крайней мере, гораздо менее исследованным, чем вопросы, касающиеся бытия Бога или связи божественной и человеческой природ. Это вопрос о родовой жизни: о связи человека с человеческим родом.

Антиномии, на которых стоит христианское богословие, хороши до той поры, пока они не затрагивают практической жизни. Можно наводить сколь угодно изысканные логические мосты между Христовой заповедью ненависти к домашним (Лк 14:26) и Павловым призывом к заботе о них (1 Тим 5:8), но выбор богатого юноши (Мф 19:16–23), поставленный перед каждым христианином, не терпит компромиссов и простирается куда дальше, чем вопрос об отношении к собст-

венности. По сути дела, здесь Евангелие поднимает вопрос не только о том, *как* спастись, но и *что* такое спасение.

У основателя египетского монашества Антония Великого есть поразительные слова о загробном состоянии спасенной души: «Как, исшедши из чрева, не помнишь того, что было в чреве; так, исшедши из тела, не помнишь того, что было в теле» (7, 112). Это так отличается от того, что говорят наши бабюшки родственникам умершего при отпевании, что возникает непроизвольное подозрение, а не является ли признание египетского первомонаха выражением той эзотерической глубины православия, от которой православные пастыри бережно оберегают миллионы и миллионы верующих и не очень верующих русских людей, знающих крепче, чем «Отче наш», что на Троицу надо посетить могилку, и наводняющих в родительские субботы храмы со своими поминальными записками и свечками «на канун»? Не онемели бы в ужасе эти миллионы, если бы им сообщили, что вся их вера во встречу с умершими родными — всего лишь плод темного невежества, недостаточно ясного

усвоения призыва Господа возненавидеть отца и мать, оставить родной дом и не прилепяться ни к чему земному?

Когда читаешь иных современных проповедников, кажется, что и сомневаться в такой догадке наивно. Недавно мне попала в руки брошюра довольно много публикуемого петербургского священника — Александра Захарова (2). Он не раз высказывался в печати по жгучим вопросам современности, и, в частности, по вопросам семьи, и потому мое внимание особенно привлекла следующая его фраза: «Ценность № 1 в правильной иерархии ценностей — *спасти душу*. Все остальное — второстепенно, третьестепенно — ибо преходяще: семья, работа, учеба, развлечения, богатство, слава — все пройдет и оставлено будет здесь, перед порогом вечности». Фраза замечательная в своем роде тем, сколь ясно и недвусмысленно в ней обнажена эта позиция, скрываемая обычно за богословской софистикой. Семья, развлечение, слава — все одно: призрак и тлен. Поставив семью в ряд ценностей преходящих, не имеющих абсолютного и вечного значения, автор цитаты выразил, конечно,

не свой частный взгляд, а настроение громадной, преобладающей (если не числом, то влиянием) части русского духовенства. Но все же только части.

У епископа Феофана Затворника в письмах к духовным чадам, потерявшим близких, встречаются нередко мысли другого рода: «Стало быть, умершие — живы; живы и ваши родители. Они только отлучились от вас и стали жить в другом месте. Туда же и вы в свое время перейдете, — и увидите. Разлука у вас только временная... Они и общение с нами продолжают, прямо с душою, а мы за хлопотами не чужем» (94, с. 46). Можно было бы предположить, конечно, что здесь всего лишь утешение, педагогическая и терапевтическая мера, не отражающая собственных убеждений святителя, но против такого допущения свидетельствуют его же письма: «Они (умершие) еще ближе становятся к нам... Понимая так дело, я никогда не плачу и не горюю об умерших... Это со времени смерти батюшки и матушки... Я верую, что это мне внушил Ангел Хранитель. С тех пор я делюсь этою верою со всеми» (там же, с. 50).

Вероятно, прав все же был Василий Розанов, когда говорил о том, что в Церкви нашей присутствует

«два народа»: люди семейные, в том числе и монахи, любящие семью и семейных, и особая порода духовных бобылей, для которых семейные радости и заботы, семейное тепло и привязанность не имеют ни вкуса, ни ценности, ни тем более религиозного оправдания. Так что когда мы «единомыслием исповемы» в Символе веры наше чаяние «жизни будущего века», единомыслие наше довольно формально. Для одних эта жизнь будущего века неотделима от встреч с дорогими их сердцу людьми, для других — сопряжена с обретением того «великого огненного Духа» (выражение Антония Великого), в котором попяляется всякая земная память и совершается вознесение души к престолу Славы. Здесь — разные, разнокачественные упования и прозрения, разные обетования свыше, разный опыт. Здесь не формально, но экзистенциально — две разных религии.

Единства Церкви это не разрушает: в дому Отца «обители многи суть», но ставит проблему общезжития в нашей земной церковной данности людей, наделенных столь разным духовным складом. Розанов, дольше и глубже других изучавший два

этих духовных типа — *солнечный* и *лунный*, по его терминологии¹ — пришел к неутешительному выводу о необходимости их размежевания по образу Авраама и Лота: «Если ты налево, то я направо» (Быт 13:9). Однако самый факт признания значительной частью Церкви заслуг Розанова, та высочайшая степень отзывчивости, которую проявила Церковь в лице богословов, монахов, благочестивых мирян в отношении его не совсем традиционных идей, свидетельствует об обратном. Сосуществование и взаимопонимание возможны, и внутрицерковный диалог по самым острым вопросам семьи и пола может способствовать не разрушению, но укреплению внутреннего единства Церкви. Необходимо только, чтобы была возможность каждой из сторон открыто заявить, в чем положения другой стороны ей кажутся неприемлемыми.

Неприемлемость той иерархии ценностей, которую проповедует священник Александр Захаров, для меня, например, заключается в том, что она, профанируя мистическую глубину брака, о кото-

---

¹ «Все женихи и невесты почему-то *смотрят на луну...* Супруги любят солнышко» (68, с. 14).

рой много писал апостол Павел, уподоблявший отношения мужа с женой отношениям Христа и Церкви, пытается лишить не только семью, но и всякого семейного христианина тех высоких достоинств и благ, которыми наградил Бог человека при сотворении и обновил и умножил посредством искупительной Жертвы. Жена и муж принадлежат друг другу не душою только, но «в Господе» (Еф 5:8; Кол 3:18), они вплетаются в Тело Церкви единой монадой, и дети их, несущие в себе образ Божий, несут и образ своих земных родителей, будь то здесь или по воскресении — до той поры, покуда к ним применимо понятие человека. Семейная жизнь наделяет человека некоторыми неотъемлемыми правами и обязанностями, имеющими отношение не к материальной только стороне жизни, но и к духовной, вечной. Древняя практика Церкви принимать в свое лоно целые дома по вере главы семейства (см. Деян 10), представление о том, что супруги вместе держат ответ на Страшном Суде, неодобрительное отношение к вступлению в брак вдовцов — все это, как и разрозненные, но многочисленные свидетельства из святоотечес-

кой письменности, говорит о том, что в христианстве, помимо призыва к отвержению мира, глубоко укоренено представление о нерушимости и святости брачных уз, семейства, дома. Есть в христианстве и разговор с богатым юношей, и с саддукеями («как Ангелы Божии на небесах» — Мф 22:23–30) — религия иночества и бездомности, но есть и ложе Авраама, и родословие Иисуса Христа — религия рода и семьи. И хотя во Христе нет ни элина, ни иудея, но для Самого Христа была разница между «заблудшими овцами Израиля» и остальным миром (Мф 10:6; 15:24).

Иерархия ценностей о. Александра Захарова разводит в разные категории то, что для семейного человека принципиально нераздельно: вопрос личного спасения и семью. Для главы семейства забота о личном спасении, отделенная от заботы о благополучии (прежде всего духовном) своей семьи, есть не какая-то высшая христианская мудрость, как, очевидно, полагает священник Захаров, а обыкновенная человеческая подлость, от которой, в частности, предостерегал христиан апостол Павел, советуя не жениться, ибо женатый «заботится о мир-

ском, как угодить жене» (1 Кор 7:33) и напоминая, что «если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим 5:8). Можно сколько угодно доказывать «по святым отцам», что женам сосланных декабристов правильнее было бы в целях личного спасения отречься от своих «безбожных» мужей, а не ехать за ними в Сибирь, но от этих доказательств подлость и благородство не поменяются местами, и если в какой-то отрезок христианской истории психология подлых людей становится правилом благочестия, это, бесспорно, большая трагедия, но все же она носит локальный характер и не способна изменить исторический путь христианства.

В истории христианства уже не раз были произнесены слова о семье и браке, которые при всем желании нельзя примирить с иерархией ценностей о. Александра Захарова. «Человек может войти в структуру этого мира только через семью, — писал о. Александр Ельчанинов. — Только брак может даровать человеку полноту познания другого человека — это чудо ощущать, осязать, видеть другую личность так же неповторимо и единственно, как

и познание Бога» (37, с. 277). Со времен изгнания прародителей из рая до наших дней семья остается единственной узаконенной Богом школой любви, школой, в которой человек учится жить, воспринимая окружающий мир как реальность, населенную любимыми и любящими людьми. Только в семье или в богообщении человек обретает непосредственный опыт благодати бытия. «Нам хорошо от того, что ты есть» — вот та первая истина, которую, согласно современному католическому богослову Антонио Сикари, родители должны передать ребенку. «Без этой первой *встречи* восприятие ребенком существования всего мира и его самого подвергается серьезной опасности» (76, с. 10). В семье ребенок не только поглощает любовь, изливающуюся на него, но и созерцает, узнает, причащается той любви, которая была до него, интуитивно приуготовляясь таким образом к постижению тайны божественной любви. «У истоков существования ребенка стоит любовь между отцом и матерью, — продолжает Сикари, — и только ощущение этой любви оправдывает его возникновение и удостоверяет благодать его существования... Когда про-

исходят подобные нарушения (в супружеской любви. — Ф.К.), ребенка может сделать ребенком в полном смысле слова *только* пропорционально понятый опыт единственного и изначального отцовства (материнства) Бога» (там же, с. 54–56). Это касается не только детей. В семье в силу взаимодействия природ, постоянного взаимопитания членов семьи душевными свойствами, присущими разным полам и возрастам, жена обретает мужество и стойкость духа, муж — кротость и ласковость, дети учатся мудрости у стариков, а грозные дедушки с иссушенной душой перестают быть тиранами, повинувшись властному призыву к добру, исходящему от своих маленьких внучат. Все остальные человеческие взаимоотношения являются только проекцией, умаляющей или извращающей эту первичную, онтологическую, райскую реальность.

У Розанова в «Людях лунного света» есть небольшой пролог, всего лишь сценка, выхваченная из жизни. Женщина с парализованной рукой подходит приложиться к иконе, и ей никак не удается поднять эту свою больную руку, и смотря на нее, она горько плачет... Может показаться странным,

почему автор выбрал такой мало связанный с общей темой книги рассказ. Ведь тема книги — даже не метафизика христианства, как сам ее определил автор, а метафизика пола. Но связь здесь простая. Жалость и сострадание, равно как и потребность в мучительстве, бьют из одной глубины человеческого существа — той глубины, в которой таится мистическая жизнь пола; и воспитать такие качества, как сострадание, совесть, способность любить, невозможно без освящения и просвещения пола. Задача эта под силу только семье, где жизнь пола находит свое раскрытие, и — благодати Божьей. Семья и религия, два единственных в своем роде явления, открывающие дверь к заветной мистике пола, обладают, таким образом, и ключом к совести человека, к его способности быть или стараться быть добрым: вершить добро не по соображению ума, а по зову сердца. Для религии, связывающей себя так или иначе с задачей нравственного усовершенствования человека, забота о здоровье семьи и семейных отношений должна, таким образом, находиться в центре интересов (если только она не ставит целью упразднение половой жиз-

ни путем отказа от нее или сублимации, в чем Розанов и обвинял христианство). Поэтому самым печальным и разрушительным следствием той иерархии ценностей, которую проповедует священник Александр Захаров, становится жестокость нравов. Церковь, занятая важными государственными делами, строительством храмов, просвещением алеутов и проч. и проч., и в этой своей многозаботливости и широте замыслов не уделяющая должного внимания жизни семьи, теряет просто-напросто возможность проникать в сердце семейного человека, воздействовать на самые глубинные мотивы его поведения. Такой Церкви остается только раздавать не имеющие никакого значения директивы о том, как следует себя вести, а потом удивляться, откуда это в народе такое безбожие и неуважение к Церкви. Религиозная жизнь народа, кровно связанная с мистикой пола, может оказаться вне ведения Церкви, если Церковь пренебрежет религией семьи — религией, в которой парализованная рука, лежащий в горячке ребенок и не вернувшийся домой вовремя муж несравнимо, несоизмеримо важнее, не только чем все государс-

твенные интересы, но также — и чем спасение собственной души, ненужное и отвратительное в виду страданий самых дорогих сердцу людей. И если это — эмоции, как любят классифицировать подобные чувства православные бобыли,— то они делают нас, семейных, гораздо ближе к Христу, плакавшему у гроба Лазаря, чем их излюбленный совет из «Лествицы» не подавать тонущему конца шеста, дабы не утонуть самому.

В русской Церкви Розанов был первым, кто от лица «всех угнетенных» выступил с открытым обличением узурпации духовной власти «людьми лунного света» и с исповеданием «религии семьи и рода», религиозного кредо, в котором семья, брак и половое соитие, составляющее основу брака, возводились в ранг абсолютных христианских ценностей. Он был первым, кто со всей остротой поставил перед русским обществом самый важный вопрос: откуда берет начало эта странная и губительная для народного самочувствия и здоровья уверенность Церкви в том, что любовь ко Христу несовместима с половой любовью, с теплом семейного очага, с нормально устроенной родовой жизнью?

Первая попытка Розанова самому ответить на свой вопрос состояла в том, что это пустившее глубокие корни в русской духовности манихейское отвержение плоти он счел простым недоразумением, которое легко исправить, приведя православное богословие, богослужебную практику и брачное законодательство в соответствие с первоначальным замыслом Божиим о браке и благословением на размножение. От этой идеи он сам вскорости отказался. И если в ранних работах Розанов выступает как критик православия за изъяны, в основном заимствованные из католичества, и видит решение полового вопроса на православной основе (66), то в дальнейшем он переносит свои сомнения в состоятельности «исторического христианства» на самую сущность христианства (65, 68, 72).

У неискоренимости манихейства в России много причин: как собственно религиозных, так и социальных. К последним надо отнести прежде всего тяжелую историческую школу, пройденную русской семьей. Когда Иоанн Грозный отдавал жен и дочерей опальных бояр на потеху своре своих опричников, он делал это, по всей видимости, и из

педагогических соображений тоже. Народ наш должен был хорошо усвоить, что каждый подданный, какой бы он ни был сановитый, принадлежит Государю — весь, с потрохами, и все, что у него есть своего, в том числе дом, дети, жена на самом деле не его, а государевы. Традиция эта бережно хранилась при крепостном праве, так что вплоть до его отмены, несмотря на прямое указание Евангелия «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф 19:6), на Святой Руси крепостных распродавали при необходимости поодиночке, разделяя мужа с женой, детей с родителями. Кроме масонов и горстки «оторвавшихся от народа интеллигентов» (любимое выражение наших иерархов), никого это особенно не волновало¹. Что ж делать, каждая из концепций взаимоотношения Церкви и государства, будь то цезарепапизм или папоцезаризм, име-

---

¹ Как, впрочем, и позже. В. Розанов в статье «Номинализм в христианстве», написанной в 1898 году по поводу мер к ограничению прав офицеров на женитьбу, недоумевал по поводу «удивительного покоя церкви при фактическом разведении, подрыве, разрыве семьи. Кто пишет по поводу новых предполагаемых военно-административных мер? — Они задевают живое, задевают семью — и тревожится г. А-т, тревожусь я» (66, с. 62).

ет, как известно, свои недостатки: у западных — инквизиция, у нас — сервиллизм. Если государству нужны рабы, Церковь вынуждена смириться с этим и узаконить рабство. Наверное, действительно самое лучшее, что можно было предпринять в такой ситуации, дабы сделать менее ощутительными муки от разрыва с любимыми людьми, с семьей — это внушить разлучаемым и живущим в постоянном ожидании возможного разлучения утешительную мысль о том, что все земное бrenно, что семья — дело второстепенное, что вообще для спасения лучше без семьи... Так и повелось, что семья — это у мусульман, у евреев, позже — у западных христиан. Там она в центре внимания, там она неприкосновенна. А у нас в центре внимания — держава, царь, позже — партия, а семья — «сбоку припека».

Вопросы семьи и государственного строительства тесно связаны между собой. В определенном смысле семья и государство всегда конкуренты, ибо семья есть своего рода феодал, автономная и самодостаточная социальная единица. Об этом свидетельствует хотя бы наш обряд венчания, при

котором на новобрачных возлагаются венцы и народ их величает князем и княгинею. С этим связано и древнее запрещение рабам вступать в брак. «В Византии до XI века раб, которому удалось каким бы то ни было способом повенчаться, становился в силу этого свободным» (86, с. 182). Понятно поэтому, что в государстве авторитарном, тяготеющем к безраздельному господству над душами своих подданных, семья не должна входить в число абсолютных ценностей. Левиафан такого Государства всегда готов, подобно апокалиптическому дракону, пожрать младенца, рождающегося на свет, и единственное, что удерживает его от изъятия детей из семей, — хлопотность и дороговизна их воспитания.

Семья всегда остается последней цитаделью свободы и достоинства личности в обществе всепроникающего идеологического контроля. «Принуждению противостоит не свобода, а привязанность», — говорил Мартин Бубер. Недаром во всех утопиях и антиутопиях от Платона до Оруэлла орудием радикальных преобразований общества выступала отмена или коренная ломка устоев се-

мы. Не только чувство хозяина, воспитываемое в семье, но сами брачные отношения наносят непоправимый удар по культу государственной власти. Джордж Оруэлл в своей страшной антиутопии «1984» подробно показал, какое психологическое противоядие тоталитарной идеологии представляет собой даже внебрачная половая любовь. Устами своей героини он высказал догадку о том, что культ государственной власти, составляющий центральную точку паутины зла, может существовать вообще только на основе насильственного безбрачия: «Если ты сам по себе счастлив, зачем тебе возбуждаться из-за Старшего Брата, трехлетних планов, двухминутки ненависти и прочей гнусной ахинеи?» Насчет сроков Оруэлл почти не ошибся. Примерно в описываемое им время — не в Англии, так в Кампучии — теория массовой сублимации половой энергии в трудовую была удачно опробована на деле.

Когда государство начинает наступать на семью, задачей религии, обслуживающей его интересы, становится оттеснение семьи на второй план иерархии ценностей. Если брака нет на небе, его

легче разрушить на земле. Евангелие, в силу антиномичности и многоплановости его откровений, предоставляет широчайшие возможности для злоупотреблений подобного рода. «В воскресении ни женятся, ни выходят замуж; но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Мф 22:30). Собственно говоря, что еще нужно, чтобы отменить семью, если принять, что Царство Небесное можно построить здесь, на земле?

По Эриху Фромму, много и плодотворно занимавшемуся проблемами религии и пола, трагедия всех великих религий заключается в том, что «становясь массовыми организациями, управляемыми религиозной бюрократией», они «заботятся о своем собственном выживании и поддержании власти своих вождей и эксплуатируют внутреннее моральное чувство своих членов, направляя его против чужеземцев» (99, с. 199). Не избежало этой трагедии и русское православие, знаменем чего останется в веках отлучение Льва Толстого. Знаменательно в этом отлучении то, что главным ересиархом России, единственным членом Церкви, анафематствованным после разбойников Степана Ра-

зина и Емельяна Пугачева, оказался проповедник непротивления злу военной силой, апологет рода и семьи. Дело ведь не в явно провокационных богохульствах Толстого, самих по себе, конечно, являющихся достаточным основанием для отлучения. Дело в том, что формальное членство в Церкви Ленина, Сталина, десятков других кровавых адептов террора оказалось более терпимым для нее, чем присутствие человека, практическая «вредность» учения которого обнаруживается именно в плоскости противостояния семейных и государственных интересов. Осуждая учение Толстого, Церковь наша в очередной раз постояла не за правду Христову, в понимании которой Толстой был ближе к народу русскому, чем многие из отлучавших его¹,

---

¹ Это ведь и имел в виду Розанов, когда писал: «Толстого могла бы осудить, *отлучить от Церкви* толпа закричавших мужиков, баб, — веру и даже «суеверия» которых он оскорбил... Нужно с *кровью* оторвать такое явление, такого человека от своей груди, от народной груди; а вот *крови*-то мы и не видели, а только бумагу и номер» (72, с. 621). Сегодня, когда в целях утверждения национальной идеологии началась постыдная кампания по «воцерковлению» задним числом русской литературы, один Толстой опять не вписывается в рамки новой геополитической доктрины. Как-то в патриотическом журнале «Русский дом»

а за интересы государственной безопасности, действительно подрываемые идеями своевольного старика.

Наша Церковь всегда хотела служить государству. Она хотела этого даже тогда, когда государство ее гнало и уничтожало. Она хочет быть таковой и сейчас, в отделении от государства. Стоит послушать и почитать, о чем говорят, о чем заботятся наши иерархи, чтобы убедиться, что это так. С каким жаром, с каким участием они обсуждают вопросы продвижения НАТО на восток, сохранения национальной идентичности, поиска национальной идеи и политики в области СМИ! И какими казенными, холодными и затертыми словами говорит наша церковная литература о семье! В 1999 году право-

---

прозвучала мысль о необходимости отлучения Толстого от русской литературы и досадливые признания в том, что «вычеркнуть его из культурного оборота» не так-то просто, в частности, из-за существования литературной премии его имени (19). Так он и будет стоять, как кость в горле, тем, кто захочет протоптать новый широкий путь в светлое будущее, теперь уже на базе не марксизма, а православия. Интересно, понимал ли сам Толстой, когда нарывался на отлучение от Церкви, что таким образом он становится гарантом неприкосновенности русской культуры и русского духа от посягательств духовных бюрократов?

славным издательством «Даниловский благовестник» выпускается по благословению Патриарха очередное издание книги «Что необходимо знать каждому мальчику» (105). Предыдущие представляли собой перепечатку книги английского христианского педагога и психолога столетней давности, основной пафос которой был сосредоточен на борьбе с рукоблудием, за которое ребенку обещались страшные кары: слабоумие, потеря памяти и координации движений и в итоге — полный распад личности в самом расцвете лет. В новом издании явно иные ориентиры. Про рукоблудие здесь нет ни слова. Зато с первых же страниц мы понимаем, что главная воспитательная задача, которую видят для себя и ставят перед родителями авторы, — это восстановление так называемой национальной системы ценностей и укрепление государства. Добрую половину книги занимает, конечно, весьма подробный и утомительный рассказ о пестиках и тычинках, лягушках, мечущих икру, и птичках, распускающих брачное оперение, долженствующий подготовить мальчика к познанию страшной тайны. Но вот вторая половина книги посвящена открытию